

ацию вспять к естественному состоянию; активная установка на противодействие революции и теоретическое обоснование диктатуры для выхода из конституционных кризисов и восстановления легитимного режима.

### 3.

## **ЛИБЕРАЛИЗМ: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРАВА ВО ИМЯ СВОБОДЫ**

Системообразующим для либерализма является понятие прав личности. Либерализм для нас — это всегда жизненно необходимый минимум прав личности. Именно в этом состоит фундаментальное единство либерализма и причина его постоянного возрождения во все новых условиях и обличиях. В соответствии с тем, дефицит каких прав (экономических, социальных, политических, религиозных, демографических и т.д.) особенно ощутим для данного общества, меняется и конкретная программа либералов, а отчасти и его социальная база. В лице либерализма мы имеем, следовательно, чувствительный индикатор состояния общества и прежде всего основной его массы, средних слоев, для которых характерно, с одной стороны, стремление к изменениям в лучшую сторону, а с другой — неприятие крайних методов, грозящих потерей и тех прав личности, которыми она уже обладает. Данный подход позволяет объяснить давно отмеченное противоречие: постоянное изменение форм либеральной идеологии и даже некоторых ее содержательных параметров, с одной стороны, и постоянное возрождение либерализма в его содержании, с другой (61). В отличие от большинства других идеологий настоящего времени, либерализм сегодня — это идеология и практика демократических государств; теория прав человека и, одновременно, их конституционное закрепление; это доктрина плюралистической демократии и в то же время гарантии ее институциональной и судебной защиты. В силу этого либерализм предстает как история и современность, идеологическое течение и социальное движение, система политических институтов и даже как проведение определенной государственной политики (62).

В противоположность консерватизму либерализм представлял доминирующую силу в антифеодальной борьбе, противопоставляя сословным порядкам принцип свободы. Но уже во время революции наме-

тилось противоречие принципов либерализма и демократии (в социально-эгалитарном смысле). Либеральные принципы гарантий собственности, права, политической свободы, конституционных норм вступали в противоречие с идеями уравнительного распределения или фактической демократии. Отсюда выступление либерализма против концепции демократии формирующегося социализма и его обращение к бонапартизму в условиях революционных кризисов. Таким образом, из внутренне противоречивой формулы революции — «свободы и равенства» либерализм принял только первый компонент. Равенство понимается им исключительно как формальное условие свободы (равенство всех перед законом). Классический либерализм, представленный такими мыслителями, как Гизо, Токвиль, Милль, германский домартовский либерализм, оказал влияние на формирование соответствующих политических систем стран Запада, выступая за различные варианты конституционной монархии и защиту прав личности как от государства, так и от массового общества. Сущность классического либерализма выражается в требовании неограниченных возможностей развития рынка, свободной конкуренции, невмешательства (или ограниченного вмешательства в случае необходимости) государства в экономику, всемерном отстаивании права частной собственности как необходимого условия экономического роста и политической свободы. С этим связана другая важнейшая особенность либеральной доктрины — ее правовой характер. Либерализм вообще может быть определен как требование правового порядка, при котором использование государством своих функций принуждения сведено до минимума, определяемого правилами общественной справедливости (63).

Важнейшие политические принципы либерализма — основные права, правовое государство, разделение властей — ныне закреплены конституционно в демократических государствах. Понятие «либерализм» выводится от *liberales* — последователей испанской конституции 1812 г. Но в целом это понятие означает начавшуюся ранее борьбу среднего сословия (буржуазии) против ограничений духовных, религиозных, экономических, социальных и политических прав со стороны старого порядка и абсолютизма. Данное течение отвергало прежде всего ограничения, связанные с системой сословных привилегий, налогами, общим политическим и административным климатом. Речь шла о том, чтобы установить новый, свободный, соци-

альный порядок на основе либеральных принципов. В этом состояла объективная цель Славной революции 1688 г., Американской гражданской войны, Французской революции 1789 г., конституционных революций и переворотов в Испании, Португалии, Греции и других государствах Южной Европы, реформ в Пруссии и других германских землях XIX в., либеральных реформ 1860-х гг. в России, а также разработки конституций, направленных на ограничение монархической власти. Центральная идея заключалась в том, чтобы дать конституционно-правовое закрепление индивидуальной свободы во всех областях, прежде всего экономической и политической деятельности. Дело в том, что экономические и социальные принципы либерализма уже в силу самой своей природы не могут быть реализованы вне гражданского общества и правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности, производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и с государством. Классическим примером такого права является Кодекс Наполеона, интерпретировавший многие идеи естественного права применительно к эпохе нового времени. Новое правосознание или даже шире — правовая культура и этика — служили делу создания гражданского общества и правового государства.

Либеральная модель общественного устройства предстает в истории достаточно четко. Основными идеологическими параметрами классического либерализма принято считать следующие: в экономике — это сторонник промышленного капитализма и экономической свободы, невмешательства государства в рыночные отношения и организацию хозяйства; в социальных отношениях — выразитель интересов среднего класса (буржуазии); в политике — парламентарной демократии, кабинетской системы и свободы политических партий, а также всестороннего развития права, в культурной жизни — свободы мысли и слова; в религии — антиклерикализма и в то же время терпимости к инакомыслию, в нравственности — торжества утилитарных принципов и индивидуализма; в национальном вопросе — национализма (в смысле приоритетов национальной государственности). Однако наиболее типична для данного общественно-политического течения — борьба за демократию и право, создание соответствующих инструментов их претворения в жизнь. Важнейшим достижением либерализма явилось новое гражданское и политическое мышление,

основу которого составило представление о правах человека как естественных, гарантия соблюдения которых состоит в демократической организации политической системы — конституционализме, свободе совести, индивидуализме. Данный взгляд на либерализм как продукт социального развития нового времени получил признание у представителей неолиберализма, для которых, однако, свойственно более четкое подразделение двух основных типов либерального движения — классического, являющегося предшественником современной западной демократии, и производного от него либерализма, подвергнутого ревизии с позиций рационализма и представляющего собой предшественника современного социализма. Экономические и политические принципы либерализма проявились в его образовательной стратегии, направленной на утверждение радикальной независимости мысли, духовной автономности индивида от церкви, общественных структур или государства. Либерализм выступает одновременно как антифеодалное и антисоциалистическое течение, поскольку отстаивает свободу личности и собственности (64).

Программа либерализма включает создание новой системы отношений общества и государства путем независимых общественных объединений, установления социального контроля над властью путем выборов; предоставления центральной роли парламенту, реализации принципа разделения властей и возможности их критики со стороны общественного мнения. Данная программа выражала интересы наиболее динамичной и просвещенной части общества, выступавшей за его модернизацию — так называемых «образованных классов» или «общественности».

Доминирующие тенденции в интерпретации либерализма в странах Европы XVIII—XIX вв. имели существенные особенности, связанные с различием объективных задач, стоящих перед ним. Так, либерализм эпохи Французской революции характеризовался ярко выраженным рационализмом и радикализмом, а главной проблемой для него стала несовместимость демократии (как равенства и правления большинства) и свободы (прав индивида). Напротив, либеральная мысль Английской и Американской революций, представленная сочинениями Дж.Локка и федералистов, отличалась особым вниманием к правовым гарантиям прав личности и собственности (65), а главной проблемой английского либерализма стал поиск конструктивного

разрешения социальных конфликтов, представленный лучше всего концепцией утилитаризма (И.Бентам) (66) и программой постепенных правовых реформ, осуществляемых с прагматическими целями (Дж.С. Миль) (67). Германская традиция либерализма сформировалась позднее, характеризовалась большим консерватизмом (в отношении революционных принципов французского либерализма) и была в большей степени окрашена национальными и социальными тенденциями (в условиях образования единой империи и проведения социальных реформ сверху в стиле Ф.Науманна) (68). Страны Южной Европы в своих либеральных традициях также давали синтез либеральных и религиозных ценностей (Испания) или либерализма и романтических идей национального возрождения (Италия, Греция) (69). Существенную специфику имела крепостная Россия, где либеральные ценности вообще могли быть реализованы только при активном участии просвещенной бюрократии. Таким образом, констатируя единство принципов либеральной идеологии, мы должны иметь в виду возможности их различного и чрезвычайно гибкого применения в различных регионах и периоды времени.

Уже в ходе революции возникают различные трактовки такого фундаментального для либерализма понятия, как «свобода» и способов ее достижения в обществе. Речь идет, с одной стороны, о ее интерпретации в коллективистском смысле (как общественного блага, равенства и, прежде всего, обязанностей индивида перед обществом), а с другой, в индивидуалистическом смысле (как свободы индивидуальной деятельности, собственности и прав личности, которые необходимо гарантировать от вмешательства как со стороны государства, так и общества). В период революции эти две трактовки свободы, восходящие к Руссо и Монтескье, только начинают разграничиваться. В дальнейшем первая вела к социализму, вторая — к либерализму в его классическом понимании (70). Первая трактовка делала акцент на неизменные обязательства личности в отношении общества, установленные раз и навсегда: «Общественный договор, — писал Л.Карно, — есть молчаливое соглашение, которое составляет в сущности основу всякого общества, какова бы ни была конституция и особая организация. Этот договор, как и всякий конвенциональный акт, дает договаривающимся сторонам преимущества и накладывает на них обязательства: преимуществами является то, что носит назва-

ние прав гражданина; обязательства составляет то, что именуется всеобщей моралью». В естественном состоянии права человека неопределенны; но в обществе человек определяет их, становясь гражданином (71).

Вторая подчеркивала необходимость предоставления каждому гражданину возможности постоянной критической оценки преимуществ и недостатков принятой конституции. С этой целью Кондорсэ разрабатывал такой механизм организации конституционных ассамблей, который бы позволял систематически учитывать изменения позиции граждан в пространствах каждого поколения. Этот мониторинг конституционных настроений через определенные промежутки времени необходим для того, чтобы одно поколение не навязало свою волю последующим, а также для того, чтобы соотносить конституционные формы и меняющуюся политическую реальность. Необходимыми условиями демократической процедуры изменения конституции признавались свобода публичных рекламаций (ходатайства) и их немногочисленность. В случае соединения этих двух условий (в одно время) очень вероятно, что данная конституция получит санкцию большинства граждан; в случае отсутствия одного из них ясно, что никакой возможности такого одобрения не существует (72). Перед нами две концепции свободы и две модели конституционного устройства — закрытая и открытая, основанная на абстрактных принципах общего блага или необходимости постоянной верификации с общественным мнением, коллективистская или индивидуалистическая. Эти две концепции постоянно приходили в столкновение в ходе революции. Кондорсэ, являвшийся создателем либерального конституционного проекта, был казнен якобинцами прежде всего как сильный идеологический противник (73).

Революционная интерпретация принципов либерализма во Франции была сформулирована наиболее четко Эммануэлем Жозефом Сийесом, но претерпела существенные модификации уже в ходе революции и особенно в период ее ретроспективного анализа мадам де Сталь, Б.Констаном и А. де Токвилем. Значение Сийеса как крупнейшего либерального мыслителя определяется формулами знаменитого памфлета 1789 г. — «Что такое третье сословие?». План брошюры Сийеса предельно прост и выражается в ответах на три вопроса: «1. Что такое Третье сословие? — Все. 2. Чем оно было в политическом

устройстве до настоящего времени? — Ничем. 3. Чего оно добивается? — Стать чем-нибудь» (74). Следует отметить, что Французская революция, как, впрочем, и всякая другая радикальная социальная революция, пошла значительно дальше этих начальных требований, предоставив третьему сословию не что-нибудь, а все, чего оно могло добиваться, — новый правовой статус, укрепление прав собственности, культурные и символические ценности, которых оно было лишено в предшествующее время. Брошюра Сийеса уже своей риторикой выражает эти либеральные принципы — «империя разума», «общественный договор», «равенство прав». В свете прогресса разума, — полагает он, — необходимо восстановить узурпированные права. Раньше или позже необходимо, чтобы все классы сосредоточились в рамках общественного договора, который выстраивает отношения на новой основе после долгой ночи феодального варварства («la longue nuit de la barbarie féodale», «les absurdités gothiques»). Универсальность этих идей для современного гражданского общества подчеркивается тем обстоятельством, что они были актуальны не только во Франции 1789 г., но и в России 1989 г. Фактически речь шла о выходе на историческую арену новых социальных слоев, которые тяготились традиционалистскими сословными перегородками Старого порядка и деспотизмом власти, — власти, которая ранее была источником стабильности в море хаоса, но затем стала восприниматься как основное препятствие реализации прав личности и собственности.

В труде Сийеса чрезвычайно четко формулировались либеральные принципы, ознаменовавшие разрыв между старым и новым обществом и заложившие основу нового публичного права: единство и суверенитет нации; представительство всей нации через ее избранных представителей; различие власти конституирующей и конституционной. Важность этих принципов, которые до сих пор служат современной демократии и закреплены конституционно, требует их специального рассмотрения. Первый из них — принцип национального суверенитета. Нация, согласно Сийесу, существует прежде всего, она — источник всего. Ее воля всегда законна, она сама есть закон. До ее возникновения и за ее пределами существует только естественное право. Истинные позитивные законы могут быть только эманацией воли нации. К позитивным законам относятся, прежде всего, конституционные законы, которые подразделяются на два вида: одни регламентируют орга-

низацию и функции законодательного корпуса; другие — определяют организацию и функции различных действующих властей (*corps actifs*). Определение этих конституционных законов как фундаментальных отнюдь не означает, что они могут стать независимыми от национальной воли, но только то, что неприкосновенными являются созданные ими установления. Конституция во всех своих частях является созданием власти конституирующей (*pouvoir constituant*), а не конституированной власти (*pouvoir constitué*). Понятие фундаментальности конституционных законов означает лишь то, что никакой вид делегированной власти не может ничего изменить в условиях делегирования. Первая категория законов, которые устанавливают законодательную власть, основана на национальной воле, существующей до всякой конституции. Вторая категория законов — те, которые должны быть приняты специальной представительной волей. Таким образом, все части правительства, непосредственно или опосредованно, в конечном счете, зависимы от нации и ответственны перед ней. Хотя Сийес писал, что эти формулировки имеют предварительный характер, именно они заложили основу важного конституционного принципа: нация формируется естественным правом, а правительству, напротив, принадлежит только позитивное право.

Другой важнейший элемент конструкции публичного права — концепция конституирующей власти. Известно, что доктрина народного суверенитета Руссо отрицала возможность представительной демократии (народная воля не может быть представлена никем, кроме самого народа). Сийес нашел решение проблемы своей концепцией Конституанты. Собрание чрезвычайных представителей, согласно его учению, способно заменить собрание нации. Данное собрание не должно, безусловно, узурпировать народную волю и поэтому не наделяется всей полнотой национальной воли. Ему предоставляется лишь специальная власть, причем в редких случаях, но в этой исключительной ситуации оно уподобляется нации с точки зрения своей независимости от всех конституционных форм. Сийес, в отличие от Локка и Монтескье, не думал, что следует принимать предосторожности против возможной узурпации власти со стороны законодательного собрания, поскольку народные представители являются депутатами, посланными только для одного дела, а срок их полномочий ограничен во времени. Эти рассуждения Сийеса представляют несом-



ненную важность для конституционной теории, поскольку лежат в основе концепции представительного правления. Однако они были опровергнуты практикой революции, поскольку народное представительство (Конвент) оказалось вполне самостоятельным институтом власти и узурпировало ее.

Третий важнейший элемент теоретической конструкции Сийеса — концепция представительства. Конфликт между двумя важнейшими постулатами — принципом народного суверенитета и принципом представительства, который определял всю конституционную динамику Франции, Сийес разрешил чисто прагматическим способом: нация — это ее представители; общая воля — коренится в избранном корпусе, а его мнение есть мнение нации. Это было решение проблемы в стиле Колумбова яйца, поскольку теоретические аргументы, в силу невозможности их согласования на доктринальном уровне, уступали место ряду прагматических утверждений, фиксировавших новую идеологию. Развивая эти идеи, Сийес пытался представить волю третьего сословия как волю нации и разработал теорию «свободного мандата» (парламентарии представляют не сословие, а нацию в целом). Она представляла собой антитезу концепции императивного мандата, лежавшую в основе традиционного сословного представительства в Генеральных Штатах предшествующего времени. Конституция 1791 г. основана на этой модели либеральной представительной демократии. отождествление третьего сословия с нацией — практический вывод данной концепции, легитимировавший революционный процесс. Привилегированные сословия не могут представлять народ в Генеральных Штатах. Необходима отмена системы привилегий, в том числе внутри самого третьего сословия, которое оказывается расколотым. Выдвигается идея общего права и необходимости его восстановления.

Франция, согласно парадоксальному утверждению мыслителя, не знала собственно монархического режима. Страной управляла узкая группа придворной аристократии, которая определяла политику, назначение министров и распределение должностей. Идея состоит в том, чтобы вернуть народу (третьему сословию) политические права, которые были отняты у него аристократией. Для их восстановления необходимо его полноценное представительство в Генеральных Штатах. Последние должны интерпретироваться как выражение общей

воли — законодательная власть, а не как господство аристократии трех типов — церкви, шпаги и мантии. Политические требования третьего сословия, сформулированные Сийесом, характерны для радикального либерализма многих стран в условиях конституционной революции. Они включали: 1) полноценное представительство третьего сословия в Генеральных Штатах; избранные из его состава депутаты должны иметь возможность представлять его желания и защищать его интересы, а их влияние должно быть как минимум равным тому, которым располагают привилегированные сословия; 2) число представителей Третьего сословия должно быть равным числу представителей двух других сословий вместе взятых. Однако даже это равенство представительства будет иллюзорным, если каждая палата будет голосовать по отдельности; 3) поэтому подсчет голосов должен вестись не по сословиям, а поголовно. Вот к чему, заключает Сийес, сводятся эти рекламации, вызвавшие, как кажется, тревогу среди привилегированных, полагающих, что эти требования делают реформу невозможной. Скромное пожелание третьего сословия о том, чтобы иметь в Генеральных Штатах влияние, равное привилегированным сословиям, уступило затем место требованиям всей полноты власти во избежание реставрации старого порядка. «Все погибнет, — заявил Сийес, — если мандатарии феодализма смогут узурпировать депутатские полномочия общего представительства» («*Tout serait perdu si les mandataires de la féodalité venaient à usurper la députation de l'ordre commun*») (75).

Важнейший вывод этой теории — принцип равенства гражданских и политических прав, который раскрывается как наличие прав на обладание реальной собственностью (состоянием) и юридической собственностью (например, избирательные права). Другой — отказ от сословной структуры общества и ее политического выражения в виде двухпалатной системы по образцу Англии. Сийес в принципе не противник разделения палат (он говорит даже о трехпалатной системе), однако категорически не приемлет их разделение по сословному принципу. Он однозначно выступает против верхней палаты английского типа как исторического пережитка, называя ее «королевской палатой» или «феодальной палатой». Наконец, третий принцип разделения властей, интерпретация которого претерпела существенную эволюцию в воззрениях этого мыслителя. Своим памфлетом он открыл чреду кровавых революционных потрясений, вольным или не-

вольным участником которых стал сам. Сийес, голосовавший за смерть короля и писавший конституции для всех режимов, стал карикатурой и символом приспособленчества. Однако эволюция его конституционных принципов вполне соответствовала логике быстрых революционных изменений. Под влиянием опыта революционных потрясений, он добавил ограничение конституирующей власти с помощью особого «конституционного суда» или «коллегии консерваторов» («college de conservateurs»), наблюдающей за конституцией и фундаментальными принципами права.

Социологическую концепцию французской революции предложил лидер большинства Конституционной ассамблеи, либеральный мыслитель — Антуан Барнав (1761—1793). В неоконченном труде «О революции и конституции» он наметил движущие силы революции, предложил интерпретацию внутренней логики основных фаз и выдвинул стратегию выхода из кризиса. Данная концепция предваряет последующий либеральный анализ и в своих структурных компонентах является чрезвычайно информативной (76).

Социальное развитие, полагал Барнав вслед за Монтескье, определяется географической средой, а вызываемые ею хозяйственные изменения ведут к перераспределению богатств и власти. Социальная эволюция определяется объективными факторами исторического развития человечества — «природой вещей», по терминологии просветителей. Проявлениями этих исторических процессов становились Крестовые походы, религиозные реформы, великие географические открытия. Социальный прогресс в новое время был связан с развитием централизации, промышленности, просвещения и формированием общественных классов, вел к социальным диспропорциям. Социальный конфликт мог быть разрешен как путем революции, так и реформы. Альтернатива этих двух стратегий выхода из кризиса формулируется предельно четко. Второй, реформационный, путь выступает как несомненно более приемлемый для общества. Но в то же время — более трудный для практической реализации. Спонтанный революционный взрыв являлся объективным следствием «природы вещей», а принятие его общественным сознанием ускорила Американская революция. Напротив, для реализации реформ требовались сознательные усилия монархии и аристократии. Способ предотвращения социального взрыва состоял в постепенной отмене сословных ограничений, расширении социальной

мобильности, открытии всех видов службы для третьего сословия. На практике, однако, монархия и аристократия оказались в плену своекорыстия и непоследовательности, отстраняя третье сословие от военной службы и государственного управления, культивируя в нем враждебные настроения. Таким образом, монархия провоцировала революцию, жертвой которой стала сама.

Основной социальный результат революции — отстранение привилегированных и богатых социальных слоев (крупные собственники, эмигранты), преобладание средних и низших слоев (мелких собственников) в Конституционной ассамблее. Масса, составляющая во Франции электоральный корпус, вышла из деморализованных слоев, а не ответственных собственников. Революция (и особенно клубы) подняла на поверхность новых людей — ораторов-интриганов и авантюристов, лишенных собственности и ответственности. Поэтому власть в ассамблее захватили не опытные практики старого режима, а чистые теоретики, быстро уступившие власть кучке негодяев, преследующих свои низкие цели. Данный состав Конституанты исключал эволюционный путь трансформации системы Старого порядка в парламентскую монархию английского типа.

Идеал смешанного правления стал для Барнава и его единомышленников моделью выхода из революционного кризиса. Приверженный идеалам разума и свободы, Барнав стремился утвердить их в формах, способных дать им прочный характер, сделать не больше, а лучше. Свобода может существовать только при монархическом правлении, руины свободы проистекают от чрезмерных требований и ребяческой экзальтации, которая является признаком слабости. Он опирался на идеи либерального государства Монтескье и различал (как Сийес) непосредственную и представительную демократию. Если непосредственная демократия была возможна в малых государствах древности, то для большой современной монархии необходимо представительное правление. Представительство целесообразно осуществлять на основе ценза, отсекающего полярные категории (слишком богатых и слишком бедных) с целью сохранения независимости депутатов. Вводятся разделение властей, гарантии гражданских прав.

В условиях конституционного кризиса важно было предложить теоретические аргументы в пользу либеральной модели конституционализма (смешанной формы правления) и против концентрации влас-

ти в одних руках. «Недостаток конституции 1789 г., — подчеркивал Барнав, — был не в том, что публичные власти были разделены, но в том, что это разделение не было сделано хорошо, и что эти власти внутри себя были плохо конституированы» (77). Он выдвигает ряд других упреков конституции: она не произвела разделение на три ветви и дала место аристократии; уделила слишком мало внимания собственности в национальном представительстве; слишком слабо организовала королевскую власть и силы исполнительной власти.

Возможность узурпации власти законодательным корпусом не выпала из сферы его рассмотрения. Как известно, необходимость двухпалатной организации парламента в Англии и США отстаивалась как важнейший элемент разделения властей. Барнав (как и Сийес) высказывается, однако, против двухпалатной системы парламентаризма для Франции как по английскому образцу (где она сложилась исторически), так и по американскому (где к моменту ее введения уже существовало равенство). Основной аргумент против двухпалатной системы в том, что палаты могут стать средоточием различных социальных сил. Конституционный кризис и узурпация власти законодательным корпусом не являются следствием принципа единства палаты, но возникли, во-первых, из-за отсутствия переизбрания депутатов (что рассматривается как самая большая ошибка Конституционной ассамблеи) и, во-вторых, из-за отрицания права роспуска. Единство палаты вполне реализуемо в том случае, если она будет вписана в общую систему смешанного правления, где король будет иметь право противостоять декретам законодательного корпуса (располагая не абсолютным, а суспензивным правом вето). Сторонники республиканской модели, предлагающие объявить решения единой ассамблеи высшими законами без санкции короля (деятели Якобинского клуба), ведут дело к установлению диктатуры. Поход на Версаль 5 октября 1789 г. и арест короля признаются катастрофой.

Недостатки конкретной конституции не должны служить аргументом против принципа разделения властей. Это важнейший конструктивный элемент всех систем смешанного правления, которые являются единственными свободными правлениями на земле. Примерами выступали Рим, Великобритания и США, где разделение и борьба властей есть важнейшее условие свободы. Барнав принадлежит к тому широкому кругу французских либералов, которые, если не усматри-

вали в политической системе Англии модель политического устройства, то во всяком случае апеллировали к ее опыту как центральному аргументу. В этом смысле его подход обеспечивает преимущество таких англофилов, как Монтескье в XVIII в. и Гизо в XIX в. Существенное значение имели анализ федерализма (по образцу США) и в то же время обращение к опыту Славной революции в Англии 1688 г., когда в результате переворота окончательно утвердилась парламентская монархия: наследственный монарх был заменен выдвинутым и ограничен в прерогативах во имя защиты публичных свобод.

Взгляды А.Барнава сходны с идеями Мирабо и отражают принципы 1789 г.: сильная монархия, ограниченная в то же время ассамблеей, король, порвавший с аристократическим обществом, цензовое избирательное право, способное охватить весь средний класс. Главная идея Барнава и его единомышленников — спасти короля, чтобы спасти конституцию и общественный порядок, — сделала его лидером большинства в Конституционной ассамблее. В дальнейшем, это была линия умеренных (Сийеса), противостоявшая линии Робеспьера. Либеральная позиция устами Барнава выступала, таким образом, за превращение «революционного государства» в «конституционное государство».

Либеральная концепция правового (конституционного) государства, представленная трудами Сийеса, Кондорсэ, Бриссо и Барнава в период революции, в постреволюционный период оказалась в центре размышлений Бенджамена Констана, Шатобриана, Гизо, Токвиля, Ламартина, мадам де Сталь и других основателей умеренного либерализма. Эта идеология включает критику теории народного суверенитета Руссо, с одной стороны, и деспотии во всех ее видах (отрицание якобинской и монархической диктатур) — с другой; отрицание революционного фанатизма и апология локковского либерализма; поддержку принципа разделения властей и концепцию особой «нейтральной власти». Суть проблемы, как ее выразил Б.Констан, состояла в том, чтобы найти средний путь между народной тиранией и монархической тиранией, отыскание которого предполагало новый политологический синтез. Его содержание определялось установлением парламентской ответственности министров и соответственно разделением министерской и королевской власти. Исполнительная власть принадлежит в этой конструкции министерству, но монарх сохраняет возможность влиять на его назначение и отставку. Это была конструкция дуалистической конституции-

онной монархии. Именно эта идея нейтральной власти (*le pouvoir neutre*) позволила Констану перейти от республики (в республиканской модели конституции) к монархии (в модели конституционной монархии). Он стремился теоретически и практически обосновать роль института монарха как независимой инстанции, которая существует наряду с тремя другими властями, координирует их деятельность и умеряет противоречия между ними (78). Эта концепция является развитием того, что предлагал Сийес для выхода из конституционного кризиса в период Директории, но идет далее в направлении монархии, оказав, в свою очередь, существенное влияние на умеренный испанский, германский и российский либерализм (79).

Противоречие революционных идеологий с позиций либерализма — несоответствие новых институтов степени подготовленности общественного сознания. Эта мысль была очень четко сформулирована мадам де Сталь в рукописи теоретического труда о революции, которая не была опубликована при жизни, но подводит итог размышлений о конституционных циклах. Здесь выдвинута также определенная объясняющая схема процесса. Опережающее принятие демократической конституции получает поддержку передовой части общества, однако более значительная его часть стремится активно или пассивно повернуть ситуацию вспять. Это создает резервуар для восстановления деспотизма. Франция в 1789 г., согласно данной интерпретации, хотела умеренной монархии, а не республики. Республика была введена за пятьдесят лет до того, как умы были подготовлены к ее восприятию. Для этого пришлось прибегнуть к террору, который, не достигнув поставленной цели, вызвал обратное стремление в сторону от философского просвещения. С этим связана общая нестабильность конституционного процесса во Франции. Попытка найти выход в разделении властей не могла быть успешна в условиях кризиса. Таким образом, в ходе революции максимализм — провозглашение абсолютной свободы (к которому общество не готово) оказывается более опасным врагом демократии, чем роялистская оппозиция в силу неподготовленности народа к принятию республики. Поэтому демократы, завоевав власть, должны учиться ее сохранению у аристократии. Сохранение народных институтов требует принятия аристократических идей. Четко выступает идея цикла. Отсюда следовал вывод, важный для всей последующей либеральной традиции: в обществе име-

ют смысл лишь те изменения, которые подготовлены общественным сознанием, и лишь в той мере, в какой они соответствуют поступательному развитию прав и свобод личности. Поэтому неправомерно принесение в жертву некоему будущему идеалу уже достигнутых прав личности. Задача мыслящих людей — в просвещении, а не разрушении (80).

Либеральная трактовка демократии стала основным вкладом данного течения в гуманитарную мысль нового времени. Главная проблема — создать такие отношения между демократией и либерализмом, которые не привели бы общество, с одной стороны, к революционному хаосу, с другой, к подавлению личных прав. Завершить революцию, создать стабильное представительное правление, установить гарантии свобод, основанных на разуме. Это была триединая задача французских либералов до 1948 г., позже она получила другое определение — как спасти свободу от социализма с помощью бонапартизма (81). Как ранее Монтескье, А.Токвиль, анализируя опыт ряда французских революций, стремится путем сопоставления разных типов обществ решить одну проблему — возникновения демократии как нового социально-политического строя. Он ищет ее решения в интерпретации перехода от традиционного, феодального и аристократического общества к обществу равных возможностей. Центральным при такой постановке проблемы оказывается соотношение принципов равенства и свободы: концепция демократии как внутренне противоречивого образования основана на взаимной противоположности образующих ее принципов. Токвиль, изучив феномен демократии, установил, что она содержит (при неконтролируемом развитии равенства) новую угрозу правам индивида — «тирании большинства», нивелировки общества и подавления индивида (82). Тот феномен, который в XX в. получил название тоталитаризма или тоталитарной демократии, был не только предсказан, но и описан Токвилем в существенных его чертах. В этом состоит, по выражению И.Берлина, «убийственная точность неудобных мыслей Токвиля». В России именно эти мысли Токвиля получили поддержку А.С. Пушкина в его полемике с политическим радикализмом Радищева и консерватизмом Чаадаева (83). Отсюда поиск нового политического идеала — сочетания демократии (как всеобщего равенства) с институтами либеральной направленности. Политической формой его реализации становится



ся конституционная монархия. Актуальность теории демократии Токвиля в наше время объясняется появлением сходных проблем в условиях быстрого перехода от авторитаризма к демократии.

Та же проблема — сочетания демократии со свободой индивида — оказалась центральной для английского либерализма, но получила несколько отличное разрешение. Во Франции, как было показано, трудность ее практического решения привела к резкому размежеванию социализма и либерализма, причем последний в условиях социального кризиса все более склонялся к авторитарному решению в форме бонапартизма. В Англии синтез демократии с индивидуальной свободой оказался лучше реализуем на практике и стал возможен благодаря последовательным реформам избирательной системы, расширявшим социальную базу и легитимность парламентских институтов. Поэтому классики английского либерализма подходили к этой проблеме с более прагматических позиций. Социальная философия утилитаризма И.Бентама, наложившая отпечаток на всю английскую либеральную традицию, своей критикой подготовила избирательные реформы (84). Дж.С. Милль разрабатывал идею расширения избирательных прав, предоставления их женщинам, но при этом считал необходимым отстаивать приоритет образованной части общества в управлении. В.Бегот в своем труде об английской конституции (1867) дал классическое изображение английского парламентаризма и кабинетской системы (85).

Наибольшее значение для идеологии либерализма имел Дж.С. Милль, влияние идей которого было велико не только в Великобритании, но и в мире в целом. Он сформулировал целостную либеральную философию свободы и прав личности как главной общественной ценности и критерия оценки политических систем. Его вклад в политическую теорию либерализма состоял в создании концепции демократии как представительного правления (86). Представительное правление является высшей ступенью развития политической системы (противостоящей предшествующим более примитивным системам непосредственной демократии и абсолютизма) именно потому, что обеспечивает народу возможность контроля над правительством посредством периодически избираемого парламента. Милль, как и Токвиль, выступает, однако, противником интерпретации демократии и представительного правления как простого численного

большинства населения. Реализация этого принципа в виде господствующей в Англии и США системы избрания в парламент механическим большинством ставит, по его мнению, под вопрос судьбу самого демократического принципа, ведя к господству коллективной посредственности и изолируя от политического процесса критически мыслящие меньшинства и выдающихся людей. В этом состоит смысл той части труда Милля, где он говорит «об истинной и ложной демократии». «В понятии «демократия», — подчеркивает он, — смешиваются две совершенно различные идеи. Истинное представление о чистой демократии предполагает всегда управление всего народа всем же народом, равноправно представленным в управлении. Демократия же, как она понимается обыкновенно на практике, это правление всего народа при посредстве простого его большинства, исключительно представленного в управлении». Исходя из этого отвергается трактовка демократии как реализации воли большинства (своеобразный аналог народной воли Руссо) и выдвигается ее концепция в виде пропорционального представительства различных общественных групп и интересов. Милль показывает, что принцип численного большинства — это статическая концепция, не учитывающая быстрой динамики общественных интересов, когда вчерашнее большинство оказывается меньшинством, продолжая, тем не менее, осуществлять власть от имени всего общества. Особенно опасна эта ситуация в условиях острой имущественной, классовой или национальной поляризации общества, когда установление политического господства одной силы над другими или ее преобладание в управлении может привести к развитию конфликта, а не к его разрешению демократическим путем. Предоставление политических гарантий меньшинствам, прежде всего наиболее культурным и образованным слоям населения, становится в рамках либеральной политической философии Милля подлинным критерием демократизма и совершенства системы. Оно способствует также разрешению социальных противоречий, в частности преодолению классового эгоизма, который может быть растворен в различных других эгоизмах. Эта логика приводит мыслителя к выводу о необходимости строго реалистичного отношения к организации избирательной системы, которая в различных социальных условиях не может быть тождественной. Являясь теоретически сторонником принципов всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Милль допускал

возможность известных отступлений от этого идеала в социальных условиях, недостаточно подготовленных к их восприятию в полном объеме. Даже для Англии он являлся сторонником постепенного расширения избирательного права, сохранения Палаты лордов, целесообразности (при отмене имущественного, национального и полового цензов) введения образовательного ценза, отмечал преимущество пропорциональной избирательной системы перед мажоритарной (голосование списков в целом), которая дает приоритет крупным политическим партиям в ущерб политическим интересам социальных групп, национальных меньшинств или регионов страны.

Теоретически обосновывая модель английской парламентарной монархии, Милль внес существенный вклад в интерпретацию механизма разделения властей, в частности отношений законодательной власти и бюрократии. Смысл представительного правления определяется ролью парламента, состоящей (вопреки критикам) не в управлении (которое, разумеется, не может быть эффективным в руках большого собрания депутатов), а в выполнении функции социального контроля над его осуществлением. Он обосновал, фактически, ту модель организации административной службы, которая получила затем у М.Вебера наименование «рациональной бюрократии». Ее принципиальным отличием от чиновничества абсолютистских государств является полное подчинение законодательной власти парламента и, как следствие, неучастие в политике. При такой интерпретации бюрократия оказывается теоретически не более как техническим инструментом реализации воли избирателей, делегирующих ей функции исполнительной власти.

Рассматривая либеральную демократию как политический идеал, Милль, однако, не абсолютизировал представительное правление. Он указывал, что социальный прогресс в предшествующие эпохи и в иных социальных условиях может быть осуществлен авторитарными политическими системами. В этой связи он выделял позитивную роль абсолютизма в процессе образования национальных государств или осуществления ускоренной модернизации (например, в ходе реформ Петра Великого или отмены крепостного права в России). Однако в более длительной исторической перспективе деспотизм ведет к стагнации общества, в то время как либеральная демократия создает условия для его динамики.

Тот факт, что именно английская (а не французская) модель парламентской монархии и ее теоретическое обоснование философами и юристами стали популярны в странах Восточной Европы и России, объясняется следующими причинами — большей гибкостью (англосаксонское прецедентное право); эволюционизмом (в противоположность рационализму французской модели); сохранением легитимной монархии (в противоположность республиканизму и бонапартизму). Даже британский парламентаризм (особенно его двухпалатный характер) казался привлекательным в более традиционных режимах, поскольку создавал представление о синтезе демократического и аристократического принципов.

По сравнению с классическим либерализмом Западной Европы, либерализм Восточной Европы представлял существенную специфику, на которой следует остановиться специально в виду ее частого игнорирования. В либерализме и конституционализме стран Восточной Европы необходимо подчеркнуть общие черты, характерные для данного течения в принципе, прежде всего его идеалы гражданского общества и правового государства, вообще стремление к политической борьбе в рамках права. В то же время необходимо отметить тот факт, что восточноевропейский либерализм в сравнении с западным имеет существенные различия. Они имеют не случайный, но глубокий сущностный характер и коренятся в самой природе политической системы государств Восточной Европы, социальной базе и потому — в политической стратегии. Данная модель отличается от классической по крайней мере в трех отношениях: во-первых, к началу преобразований здесь отсутствуют необходимые элементы гражданского общества; во-вторых, средний класс, даже если он существует, недостаточно силен для того, чтобы стать социальной базой демократических преобразований; в-третьих, эти преобразования оказываются необходимым провести в кратчайший (по сравнению с западными странами) исторический промежуток времени. В результате здесь необходима совершенно другая стратегия развития вообще, другая комбинация политических сил и тактика реформ в частности. Основным носителем преобразовательной программы выступает не буржуазия, как на Западе, а скорее само государство, инструментом ее реализации в значительной мере становится бюрократия, а методы проведения неизбежно приобретают принудительный характер.

Германский либерализм домартовского периода, представленный Робертом Модем (87), Карлом Роттеком (88) и Фридрихом Дальманном (89), отстаивал концепцию правового государства с дуалистической конституционной монархией как формой правления. Раскрытие отношений общества и государства с либеральных позиций представлено в германской политической мысли трудами Карла Вильгельма фон Гумбольдта (1767—1835) — видного конституционалиста и деятеля либеральных реформ начала XIX в., основателя Берлинского университета. Осмысление философии эпохи Просвещения, а также начала Французской революции нашли выражение в идеале создания конституции и свободных учреждений для единой Германии. Поэтому в его взглядах наиболее полно представлен специфически германский синтез либерализма, национализма и умеренного конституционализма. Господствовавшей в Германии эпохи Просвещенного абсолютизма философско-правовой концепции полицейского государства Гумбольдт одним из первых противопоставил либеральную концепцию правового государства — обеспечения личных прав граждан. Данный принцип составляет доминирующую идею его основного произведения — «Опыт установления пределов государственной деятельности». Судьба этого произведения отражает особенности развития германского либерализма: написанный в 1792 г. под непосредственным влиянием эйфории первых лет Французской революции (и не опубликованный тогда по цензурным соображениям), данный труд не публиковался позднее по решению самого автора под впечатлением казни Людовика XVI, переосмысления событий революции и наполеоновских войн в Германии. Книга вышла лишь спустя 15 лет после смерти автора в 1851 г., а в русском переводе — в 1908 г. (90).

Проблема, поставленная Гумбольдтом, оказывается крайне актуальной и для современности: до какой степени должно простираться государственное вмешательство в социальное и экономическое регулирование и, в соответствии с этим, как должен решаться вопрос о соотношении целей и средств государственной политики. Эта проблема решается в традициях классического западного либерализма: автор отрицает тотальный контроль государства над обществом, свойственный эпохе абсолютизма и отстаивает принцип минимальности бюрократического контроля. Вопреки господствующей германской государственно-правовой традиции, Гумбольдт не считает целесообразным

беспредельное государственное вмешательство в социальные отношения, простиравшееся традиционно не только на сферу правового регулирования, но и включавшее патерналистскую опеку над религиозными верованиями, нравственностью и даже образом мыслей граждан. Фактически выступает против того, что в настоящее время именуется социальным государством, экономическим регулированием и идеологическим контролем. Основные аргументы против такого типа государства также выглядят весьма современно: государственная регламентация уничтожает разнообразие социальных интересов и позиций, являющееся подлинным источником общественной динамики. Унификация общества путем поглощения различных интересов, его жесткое подразделение на подданных и правительство становятся результатом преобладания единой государственной цели. Следствием этого неизбежно является юридическая формализация отношений, экономическая неэффективность и неконтролируемый рост аппарата управления, становящегося единственным движущим механизмом. Гумбольдт одним из первых раскрыл негативные последствия бюрократизации социальных отношений: отчуждение экономической власти и управления от общества, рост коррупции, механистический характер государственного регулирования, наконец, подмена целей средствами и потеря государственной властью чувства реальности.

В основе позитивной концепции Гумбольдта лежит своеобразная интерпретация общественного договора: не принимая полярных теорий непосредственной демократии Руссо и представительства Монтескье, Гумбольдт предлагает третье компромиссное решение проблемы демократии. Самодеятельность общества должна быть достигнута путем заключения гражданами отдельных договоров и создания свободных союзов, аккумулирующих различные социальные элементы и интересы, не связанные непосредственно с государственной властью. Гумбольдт ставит под сомнение целесообразность единого общественного договора и представительства в силу возможности их формализации, бюрократизации и легкости манипулирования ими со стороны государства. Инфраструктура гражданского общества должна быть более развитой для обеспечения прав малых групп и частных лиц. Таким образом достигается разделение сфер гражданского и публичного права, появляется возможность более динамичного социального контроля над властью как раз по тем конкретным вопросам, кото-

рые становятся актуальными в данный момент. По мере расширения сферы деятельности гражданско-правовых союзов, сфера публично-правового регулирования должна объективно сократиться до определенного необходимого минимума. Этим минимумом Гумбольдт считал обеспечение безопасности общества внутри и, главным образом, вовне государства. Если Милль в качестве важнейшей цели государства видел просвещение и воспитание общества, то Гумбольдт отнимает у него и эту сферу деятельности, передавая ее самому обществу. Государственный союз имеет для него смысл лишь постольку, поскольку обеспечивает реализацию имущественных и политических прав индивида. Эта была та концепция «государства — ночного сторожа», которая стала аксиомой для классического либерализма. Объективные предпосылки определили кризис классического западноевропейского либерализма в новых условиях конца XIX — начала XX в. в странах, вставших на путь ускоренной модернизации. Эти общие тенденции восточноевропейского либерализма проявились особенно четко в Германии и России.

В центре политической мысли стран, соотносивших свои социальные порядки с опытом Французской революции, оказались две основные проблемы: проблемы современной демократии для стран, где революция победила, и проблемы перехода от старых абсолютистских порядков к новым в странах с модернизирующимся типом развития. Французская революция отчетливо показала деструктивные последствия спонтанного социального взрыва. Она показала также, что новая легитимация властных структур отнюдь не исключает их фактического возвращения на путь авторитаризма. Данный опыт послужил мощным импульсом для интерпретации конституционных идей в тех странах, которые, в отличие от стран классического либерализма и конституционализма, вынуждены были развивать его институты в условиях модернизации — Германии и России. В качестве корректива классической западной модели демократии выступают германские либеральные теории гражданского общества и правового государства в условиях модернизации (91).

На рубеже XIX—XX вв. на первый план выходит проблема правовой рационализации и модернизации общества, осуществляемой государством в условиях быстрых социальных изменений. В этой перспективе отчетливо прослеживается значение политической

философии германского и русского либерализма, давших обоснование возможности выхода из социального конфликта путем не революции, а радикальных социально-экономических и политических реформ, целенаправленно осуществляемых государством. В этой связи следует подчеркнуть значение немецкой философии права — от Гегеля до концепции рациональности М.Вебера (92). Интерпретируя весьма содержательные и дружеские контакты знаменитого германского социолога с представителями русского конституционного движения (например, Б.А. Кистяковским), мы получаем возможность интересных сопоставлений судеб конституционных реформ в странах, где модернизация происходит под сильным влиянием государства. Наблюдения, сделанные Вебером и русскими конституционалистами при анализе русской и германской революций начала XX в., обозначили проблему, оказавшуюся крайне актуальной для последующего мирового политического развития.

Имея в виду данный вариант общественного развития, германские мыслители с большей осторожностью, нежели русские конституционалисты, относились к механическому переносу западных демократических институтов в общество, сохраняющее традиционные нормы авторитарного социального регулирования. Проблема всеобщего избирательного права без введения цензов, соответствующих объективному уровню гражданского сознания, стала, как будет показано далее, предметом весьма острой полемики между германскими и российскими конституционалистами начала XX в. в связи с разработкой стратегии либеральных преобразований. Именно в этом видели они главную опасность превращения реальных конституционных норм в номинальные.

Переломным этапом в интерпретации феномена современной демократии стало появление концепции, впервые связавшей воедино такие вопросы, как переход от традиционного общества к демократии, значение всеобщих выборов для политической мобилизации населения, механизм взаимоотношения масс и политических партий, наконец, процесс бюрократизации самих этих партий, находящий выражение в создании особой политической машины — Кокуса (М.Я. Острогорский). Распад традиционного общества приводит к разрушению старых сословных перегородок, изменению положения групп и индивидов по отношению к власти. Разрушая прежние рамки, модернизационные



процессы освобождают индивида, но, освобождая, они его изолируют, приводя к отчуждению, дегуманизации, деперсонификации общества. Демократизация последовательно охватывает духовную, социальную и экономическую жизнь, ее важнейшими проявлениями в политической сфере становится утверждение демократических институтов власти и политических свобод. Широкие массы населения, ранее являвшиеся объектом политики, становятся ее субъектом, получают возможность непосредственно (через систему выборов) влиять на политический процесс и даже принятие политических решений. Механизм манипулирования общественным мнением Острогорский показал на материале политической практики институтов классической демократии, однако особую актуальность эта проблема приобрела не в странах с развитыми демократическими традициями и институтами, а в тех регионах мира, которые не имели их вовсе или развили в недостаточной степени, оказавшись перед необходимостью быстрых социальных изменений. Не случайно большой вклад в рассмотрение проблем конституционализма данного типа внесли ученые тех стран — России, Германии, Италии, Испании, которые в новейшее время развивались по пути ускоренного догоняющего развития, модернизации (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс, М. Я. Острогорский, Х. Ортега-и-Гассет, Х. Арендт) (93). Однако, рассмотрение теоретических дискуссий представляет только один аспект исследования проблем гражданского общества, борьбы демократии и авторитаризма в новое и новейшее время.

Традиционный либерализм должен был пойти на следующие изменения: с одной стороны, он должен считаться с растущей экономической и политической мощью государства и необходимостью его вмешательства в социальную сферу; с другой — он все более становился (под влиянием конкуренции с другими партиями) социал-либерализмом. Его представители в Англии — Т. Грин, в Германии — Л. Брентано и Ф. Науманн, а отчасти М. Вебер и Г. Пройс. В условиях конституционного кризиса они усматривали выход из него в реализации национального соглашения, гарантом которого должны быть не парламент и политические партии, но плебисцитарный президент, фактически — эрзацкайзер, стоящий над парламентом и партиями. Эта концепция плебисцитарной демократии не реализовалась в Веймарской Германии. Однако позднее она стала основой действий де Голля в период создания Пятой республики во Франции (94).

Следует подчеркнуть вклад либерализма в создание плюралистической системы. В XX в. модель демократического устройства общества вступила в конфликт с моделью тоталитарного устройства. Тоталитарные идеологии отвергали либерализм как идеологическую доктрину, переставшую соответствовать новой социальной реальности. В то же время они отвергали практические достижения либеральной эпохи — гражданское общество, правовое государство, права личности. В этих условиях основная задача либеральной идеологии состояла в объяснении тоталитаризма как принципиально нового социального феномена, с одной стороны, и разработке такой теории демократии, которая способствовала бы ее сохранению и развитию в новых условиях, с другой. В данном контексте достаточно обозначить лишь основные вехи этой интеллектуальной работы. Прежде всего, следует указать на сознательную установку либерализма на выяснение реальной картины мира. В отличие от других, прежде всего тоталитарных, идеологических течений, либерализм имеет ту особенность, что он в наименьшей степени подвержен идеологической пристрастности. Это проявляется наиболее четко в социологической теории М. Вебера, для которой характерно стремление к разделению факта и оценки, конструированию научных гипотез и моделей, основанных на анализе эмпирического материала, наконец, поиску конструктивных выходов из социальных конфликтов. Исходя из этого он предложил решение проблем рационализации, бюрократии и харизматического лидерства. Другим проявлением той же тенденции может быть признано «чистое» учение о праве Г. Кельзена, ставившего своей задачей очистить юриспруденцию от идеологических оценок и метафизических теорий, ставших прибежищем упрощенных идеологических схем. Вклад этого учения в философию права, несмотря на всю его последующую критику, оказался очень значительным, поскольку Кельзен четко сформулировал проблему подмены права идеологией. Это было учение о демократии с позиций отказа от ценностного абсолюта. В конечном счете, он полагал, что стремление к достижению абсолютной истины и ценностей есть водораздел между демократией и авторитаризмом (95). Наконец, в данном контексте следует указать на научный анализ собственно проблемы идеологии и утопии, проведенный К. Маннгеймом (96). Уже эти направления мысли создали фундамент для критической оценки тоталитарных режимов и их идеоло-

гий. Решающий вклад в теорию тоталитаризма был сделан Х.Арендт. Предложенная ею концепция подвергалась в дальнейшем критике. Однако важнейшие ее элементы — характер движения, уничтожающего государственные структуры, партия нового типа, луковичная структура организации, роль тайных организаций — принадлежат и сейчас к важнейшим достижениям в изучении данного феномена (97). Критика концепции тоталитаризма в Германии имела целью избежать тотального отождествления нацистского и сталинского режимов. Но хотя их идеологии были различны, в концепции тоталитаризма речь идет не о них, а в принципе — о характере функционирования идеологии в обществе и здесь возможно отыскать сходство. Если признать способность тоталитаризма к изменениям, то можно придать этому понятию расширительный смысл (98). Подчеркнем, что данная концепция тоталитаризма вытекает, безусловно, из его критической оценки с позиций либерализма. Принципиальное значение для него имеет то обстоятельство, что все тоталитарные режимы и их идеологии ведут к поглощению личности обществом и государством, подавлению индивидуальной свободы.

Конфликт демократии и авторитаризма в XX в. привел к появлению новых интерпретаций самой демократии и причин ее кризиса. В этом контексте следует интерпретировать изменение идеологии классического либерализма, появление неолиберализма. Для либеральной идеологии в целом важное значение имел переход от традиционных концепций демократии как социальной гармонии (Дж.Брайс, А.Дайси) (99) к рассмотрению ее в конфликтной динамике — как взаимодействия социальных сил, политических институтов, партий, элитных групп. Отправной точкой этих размышлений следует признать концепцию массового общества — «восстания масс» по определению Х.Ортеги-и-Гассета (100). Дело в том, что сама констатация «заката Европы» (О.Шпенглер), перехода власти к массам, наступления «нового средневековья» (Н.Бердяев) ставила под вопрос возможность реализации либерализма как идеологии (напомним, что одним из ее признаков является для нас наличие широкой социальной поддержки). Выход из этого тупика был найден в рассмотрении либеральной демократии как процесса. Иначе говоря, либеральный идеал общественного устройства не отвергался как практически не реализуемый, но признавался таковым в бу-

душем. Эта динамическая концепция демократии или демократии как процесса всегда приобретала значение в странах, где демократия не могла получить непосредственной реализации. Она присутствовала в русской либеральной мысли после 1917 г. (особенно в сочинениях эмигрантов). Но была характерна и для Германии. Например, в период конца Веймарской республики она была выдвинута Р.Смендом. Его основная формула — «единство через интеграцию». Государство не есть стабильное и неизменное образование, но процесс постоянного обновления. Оно возникает из плебисцита и поддерживается за счет его ежедневного воспроизводства. Конституция есть не что иное, как законодательная регламентация отдельных сторон этого процесса. Однако сам процесс перманентного плебисцита во имя демократии обретает единство за счет скрепления многочисленными частными проявлениями и достижениями. Эти скрепы Сменд называл типами интеграции (*integrationstypen*), выделяя три их разновидности: персональная, функциональная и предметная интеграция. Действительно государство обретает только тогда, когда последовательно находится в процессе интеграции (101). Наряду с динамической моделью демократии возникают ее структурные модели. Их смысл состоит в том, чтобы раскрыть сложный механизм современного общества путем выявления его наиболее значимых компонентов, определить порядок их взаимодействия в рамках единой демократической системы и понять, какие из этих компонентов могут давать сбои. В этом ряду выступает «реалистическая» теория демократии, стремящаяся обосновать ее с позиций конкуренции и модели рыночной экономики (Дж.А. Шумпетер) (102). В поисках выхода из экономических противоречий современного общества возникла теория, обосновавшая соединение таких параметров, которые традиционному либерализму казались несоединимыми — рынка с государственным регулированием (Дж.М. Кейнс) (103). На этой основе удалось найти конструктивный выход из таких серьезных кризисов, как «великая депрессия» в США, использовать государство для преодоления экономических трудностей (Л.Эрхард) (104). В дальнейшем либеральная парадигма проявила себя наиболее отчетливо в теории «рационального выбора», фактически возрождающей в новых терминах теорию общественного договора (Дж.Бьюкенен) (105). Кризис демократии и парламентаризма в XX в. заставил при-

стально присмотреться к таким явлениям, как политические партии и тенденция к олигархическому лидерству (Р.Михельс, М.Острогорский и М.Дюверже, Г.Лейбхольц) (106). В послевоенной Европе институты парламентской демократии претерпели существенное реформирование под воздействием либеральной критики недостатков режима ассамблеи и всевластия партий предшествующего времени. Проблематика «рационализированного парламентаризма», обоснование и конституционное закрепление «конструктивного вота», введение независимого конституционного правосудия стали наиболее важными элементами этой системы. Теория демократии как демократического плюрализма и «полиархии» (Р.А. Даль) позволила дать такую ее модель, которая связывала традиционное представление о демократии как господстве народа с решением проблем представительного правления в сложном современном обществе с его технологическими возможностями и ролью элитных групп (107). Таким образом, именно либеральная мысль в наибольшей степени способствовала созданию современной теории и практики демократии, а также ее антитезы — авторитаризма. Фундаментальный конфликт между двумя системами, способный превратиться в мировую войну с применением ядерного оружия, либеральная мысль предполагала разрешить эволюционным путем. Так, Р.Арон, выступавший теоретиком и последовательным критиком тоталитарных режимов, который четко противопоставлял конституционно-плюралистические режимы Запада и однопартийные диктатуры Востока, полагал, тем не менее, что будущее Европы принадлежит конвергенции двух систем (108). Эту мысль разделял в то же время крупнейший представитель российского либерализма — А.Д. Сахаров (109). Таким образом, неолиберальная модель общества, как и предшествующие теории XIX в., выдвигает на первый план общественный договор (а не разрыв), поиск консенсуса (а не гражданскую войну), культуру компромиссов (а не грубое насилие).

Крушение тоталитарных и авторитарных режимов во второй половине XX в. сделали актуальной теорию демократии и плюралистических политических режимов. В этой перспективе следует отметить, прежде всего, возрождение философии естественного права, вновь ставшей основой конституционализма. Этот подход отвергает позитивистский взгляд, полагая, что он граничит с цинизмом в политике.

Необходимость возрождения естественного права в послевоенном мире была связана с поиском утраченной идейной основы современного общества, концепции прав человека и разграничения таких понятий, как легитимный режим и хороший режим. Естественное право, согласно этой позиции, обеспечивает государственному строю опору на вечные и общечеловеческие ценности (закрепленные в международно-правовых актах по правам человека), в то время как политическая легитимность зависит от обстоятельств и может быть утеряна. Необходимость возродить естественное публичное право связывалась с тем, что оно дает универсальное ценностное решение политической проблемы (110). Пример влияния этих идей в области международного права — создание международных организаций пацифистского характера, ставивших своей целью предотвратить новые войны, а после Второй мировой войны — процесс, охватывавший события от принятия Атлантической хартии (14 августа 1941 г.) до создания ООН. В дальнейшем это постепенный процесс укрепления европейского единства, приведший в настоящее время к объединению Европы. Параллельно с этим в XX в. шел процесс критики империализма и колониализма, либеральные противники которых (как Дж.А. Гобсон, Дж.А. Шумпетер) переосмыслили подход к этой проблеме ряда представителей классического либерализма, стоявших на имперских и националистических позициях (что было важно в ходе послевоенных дебатов о судьбах колоний и колониализма). В англосаксонской правовой литературе периода Холодной войны был сделан особый упор на права человека и их судебные гарантии (Дж.Роулз (111), Р.Дворкин (112)). Либеральная концепция прав получила не только правовой, но и идеологический статус и была противопоставлена марксистской классовой теории права. Эти идеи, высказывавшиеся в период послевоенного восстановления стран Западной Европы, пришли в Восточную Европу в период кризиса коммунистических режимов, получив название «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей», признанных «всеми цивилизованными странами».

Современный либерализм (Арендт, Кельзен, Шумпетер, Дарендорф) сформулировал многие положения в ходе критики социалистических и неомарксистских доктрин (113). Там, где они усматривают неразрешимый социальный конфликт, либерализм видит возможность реформ. В мире действуют не слепые и непознаваемые силы, а вполне

предсказуемые. Их познание позволяет сознательно изменять социальную ситуацию. Так появилась новая дисциплина — конфликтология, стремящаяся управлять конфликтами в государстве всеобщего благоденствия. Прогнозирование конфликтов и их снятие становится возможным в результате увеличения роли государства. Современное государство, вопреки его неомарксистским критикам, — не только бюрократия, но прежде всего единая система рациональных правил и правовых норм. В принципе, соответствуя постулатам либеральной идеологии, эта система может быть более или менее гибкой в зависимости от конкретной ситуации. Она должна включать в себя элементы социального регулирования, направленные на поддержание стабильности в обществе. Отсюда поиск новых схем в рамках социального либерализма и «третьего пути» (А.Гидденс) (114). Примерами реализации данного подхода служат стратегии перехода от авторитаризма к демократии в странах Южной Европы, Восточной Европы, Азии и Латинской Америке. Хотя этот переход идет с разной степенью успеха, он имеет один вектор и сходные ориентиры — построение плюралистической демократии западного типа.

Вклад либеральной идеологической модели в конструирование современного общества — очень велик и определяется не только теоретической, но и практической ее реализацией. В теории либерализм означал обоснование отказа от всех исторически имевших место типов закрытого общества, жесткой иерархии и подавления индивидуальных свобод. В этом сходен классический либерализм эпохи Французской революции и либерализм эпохи крушения тоталитарных государств в конце XX в. Позитивная модель либерализма — обоснование открытого общества с высокой степенью правовой защиты личности и собственности, социальной мобильностью, обменом информацией и научными знаниями. В отличие от консерватизма, либеральная идеология опирается на вполне рациональную концепцию объяснения мира и выстраивает на ее основе прогностическую модель его развития. Идеал либерализма обращен не в прошлое, но в будущее. Либерализм в современном обществе — сторонник идей модернизации и европеизации (в традиционных обществах). Он, однако, останавливается там, где возникает угроза принесения права в жертву социальному прогрессу. Поэтому в условиях политических и конституционных кризисов либерализм (особенно умеренный либерализм позднего периода) объединя-

ется с консерватизмом (феномен либерально-консервативного синтеза) для противостояния социализму и коммунизму (115). Либеральная концепция демократии — важнейший теоретический вклад в конструирование современного общества. Она противостоит тоталитарным и коллективистским трактовкам демократии как механической совокупности мнений большинства — метафизической воли народа, выдвигая идеал свободы личности. Именно эта идея лежит в основе современной плюралистической демократии, конституционализма и доктрины прав человека. В целом — это идеология, наиболее перспективная для всякой мыслящей и творческой личности.

#### 4.

### **СОЦИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ И АНАРХИЗМ: РАЗРУШЕНИЕ ПРАВА ВО ИМЯ РАВЕНСТВА**

Третьей крупнейшей идеологией, формировавшейся под влиянием революции, стал социализм (и коммунизм). Данная идеология является, несомненно, самой утопической из всех, поскольку выдвигаемый ею идеал общественного устройства никогда не получал адекватной реализации. Если другие основные идеологии (как либерализм, консерватизм, национализм) могут ссылаться на реальные политические системы, воплотившие их теоретические модели, то коммунистическая идеология вынуждена работать с чисто умозрительными конструкциями. Поэтому для ее интерпретации особенно важно определение ключевых понятий, разделение научных гипотез и идеологических постулатов движения, различных модификаций данной идеологии в истории, а также ее социальных функций, которые могут быть диаметрально противоположными. Она может служить для революционного ниспровержения государства или, напротив, для легитимации существующего политического режима. Прежде всего, всегда существовала значительная неопределенность в выяснении соотношения таких понятий, как коммунизм и социализм, которые не получили строгого научного определения, а потому рассматривались как тождественные, различные и даже противопоставлялись. Проблема заключается в том, что в момент их создания данные понятия выражали несуществующую социальную реальность, а потому последующие попытки их реализации на практике всегда приводили к теоретическим затруднениям. Основоположники «научного коммуниз-